

УДК 327.2 + 325.36 + 327.57 + 327.8

Г. Н. Валиахметова

ЗАПАД – ИСЛАМСКИЙ МИР: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АКТИВИЗАЦИИ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Статья посвящена анализу отношений между Западом и исламским миром. Автор рассматривает комплекс факторов мировой и региональной политики, действие которых препятствует выстраиванию конструктивных отношений между двумя «мирами». Вместе с тем проблема реализации концепции диалога цивилизаций приобретает все большую актуальность в свете возрастания угроз глобальной и региональной безопасности.

Ключевые слова: диалог цивилизаций, Запад, исламский мир, глобальная политика, многополярный мир, трансформация, конфликт, угрозы глобальной и региональной безопасности.

Во втором десятилетии XXI в. мир приобрел качественно новые характеристики. Усилились процессы глобализации и региональной интеграции при смешении главного вектора глобальной политики в сторону Азии. США не смогли закрепить при помощи военно-политических методов свое единоличное лидерство в мире. Набирает динамику тенденция к складыванию структур и механизмов многоуровневого мироустройства. Вместе с тем заметно возросло число межгосударственных, этнических, национальных и религиозных конфликтов и, главное, резко обозначилась тенденция к ухудшению отношений между Западом и исламским миром. Это наиболее очевидно проявляется в трех сферах: в увеличении числа конфликтов, в которые вовлечены западные и мусульманские государства; в активизации информационной и психологической конфронтации, проявляющейся в росте исламофобии на Западе и антизападных настроений в мусульманских сообществах; в возрастании удельного веса угроз со стороны транснационального терроризма, прикрывающегося, как правило, религиозной (исламистской) риторикой. С учетом быстро меняющейся расстановки политических сил как внутри мусульманских стран и регионов, так и на международной арене теоретическое осмысление этих процессов является необходимым условием для выстраивания конструктивных отношений между двумя «мирами». В этом актуальность предлагаемой статьи.

В 1993 г. профессор Гарвардского университета С. Хантингтон предложил миру новую глобальную концепцию, в основу которой был положен введенный в оборот еще в 1959 г. американским исламоведом Бернардом Льюисом тезис о «столкновении цивилизаций». Главная идея концепции американского политолога сводилась к тому, что на смену противостоянию идеологий идет или уже пришло противостояние цивилизаций [16]. Несмотря на критику схемы Хантингтона со стороны большей части мирового научного сообщества, интерпретация отношений между Западом и миром ислама как столкновения цивилизаций в той или иной степени поддерживается рядом авторитетных западных ученых (Б. Льюис, Д. Пайпс, М. Крамер, Ш. Хантер, Дж. Хиппер, А. Луэг

и др.). Она получила широкое распространение даже среди тех, кто никогда не слышал о Хантингтоне, — среди «людей с улицы». Подобный взгляд на геополитический конфликт между Западом и мусульманским миром отражен в СМИ, фактически его придерживаются многие политики.

Так есть ли столкновение цивилизаций? Абсолютное большинство ученых отвечают на этот вопрос отрицательно: столкновения цивилизаций нет, никогда не было и быть не может. Войны между отдельными странами или блоками стран христианского и исламского мира действительно велись на протяжении веков, но, несмотря на их религиозно-идеологическое обрамление, мотивированы они были соображениями геополитического, политического и экономического характера. История также знает немало примеров христиано-мусульманских коалиций. При этом даже в периоды острой конфронтации (войн, завоеваний, колониального доминирования) не прекращался процесс взаимного обогащения культур. В ходе многовекового взаимодействия все цивилизации подверглись столь сильному смешению и взаимовлиянию, что вопрос об их непримиримой вражде и обособленности академически некорректен [8, 41–42; 11, 560–572; 13].

Современность не является исключением: из представителей различных цивилизаций, в том числе христианской и исламской, формировались антииракская международная коалиция в 1990–1991 гг.; христианские и мусульманские страны успешно взаимодействуют в рамках ООН, НАТО, АТЭС, «Группы 20», международной антитеррористической коалиции и т. д. Религиозные различия не стали препятствием к полувековому тесному сотрудничеству США и Саудовской Аравии, которая, будучи идеологически салафитской, в своей практической политике явно не придерживается радикально-исламистской непримиримости по отношению к Западу и продолжает оставаться точкой опоры США на Ближнем Востоке. Не только на международной и региональной арендах, но также на уровне делового, научного и межличностного общения сотрудничают представители Запада, России и исламского мира. Западные достижения в различных сферах жизни (технологии, ноу-хау, наука и т. д.) высоко оцениваются и широко используются образованными слоями мусульманского общества [4, 140–157; 8, 46]. Среди представителей интеллектуальной, творческой и политической элиты Запада немало выходцев из мусульманских стран. Сотрудничество и взаимообогащение культур продолжается и сегодня.

Если столкновения цивилизаций нет, то как объяснить 11 сентября 2001 г., всплеск религиозного (исламского) экстремизма, арабо-израильский конфликт, события в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Мали, вспышки межрелигиозной розни на Ближнем Востоке и в Северной Африке, кризис мультикультурализма в Европе? Характер и динамика развития обстановки в указанных геополитических ареалах во многом обусловлены процессами глобализации и трансформации всего миропорядка, которые «разморозили» целый комплекс старых конфликтов и породили новые (этноконфессиональные, политические и т. д.). Проблемы усугубляются действием внешних и внутренних сил, заинтересованных в извлечении односторонних выгод из обострения ситуации путем использования методов террора или проведения «гуманитарных интервенций» [10, 10–15].

Иными словами, речь идет не о столкновении цивилизаций, а о столкновении интересов (геополитических, политических, экономических) вполне конкретных акторов мировой политики. Так, например, радикально-экстремистские группы исламистов (именно исламистов, а не мусульман в целом) действуют не под лозунгами борьбы с христианством; более того, они считают Запад (особенно США) отнюдь не христианским, а безбожным и аморальным миром. Теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. был ударом не по христианскому миру, а по «империалистическому и сионистскому врагу», который, по мнению лидеров Аль-Каиды, представляет главную угрозу исламу. Призывая «убивать американцев, сионистов и их местных пособников», исламисты-джихадисты повели борьбу не только против США и Израиля, но также развернули войну в исламском мире — против правящего режима в Саудовской Аравии и шиитов в Ираке, установили бесчеловечный режим в талибском Афганистане [8, 41–44].

Растущее многообразие новых субъектов глобальной политики и новых политических практик актуализируют проблемы смешения, «конфузии» основополагающих исторических и современных политических понятий, а также научной обоснованности применения геополитической терминологии в осмыслении проблематики взаимодействия цивилизаций. Очевидно, необходим новый теоретический дискурс о дефинициях, используемых для анализа международно-политических процессов. По мнению обществоведов, принципы группирования стран в «миры», категорий и оппозиции (Запад — Восток, Запад — исламский мир, Запад — Незапад, Север — Юг, Центр — Периферия, развитые — развивающиеся страны и т. д.) во многом уже не соответствуют современным реалиям [6, 13–18; 7, 8–103; 15]. Термины «цивилизация» и «культура» мало подходят для анализа современной международной обстановки, региональных и внутригосударственных конфликтов. В частности, потому, что не цивилизации выступают в качестве субъектов международных отношений: исламский мир, например, как глобальный актор мировой политики не существует (хотя тенденция к этому имеется), он существует как цивилизация.

Ввиду отсутствия адекватного понятийного аппарата полемика по вопросу о наличии или отсутствии «столкновения цивилизаций» продолжается на протяжении уже двух десятилетий с использованием прежнего категориального аппарата, при том, что единых и общепринятых критериев определения цивилизаций, «миров» и иных классификаций современных стран так и не было предложено. Критики теории Хантингтона, не сумев подобрать адекватный термин, тактично характеризуют напряженность в отношениях между Западом и исламским миром как конфронтацию, кризис, конфликт интересов; либо пользуются размытыми терминами «межцивилизационный разлом», «водораздел между цивилизациями», «трение идентичностей», либо закавычивают термин «столкновение цивилизаций». С конца XX в. в глобальный политический лексикон прочно вошел термин «диалог цивилизаций», который используется в качестве инструмента теоретического дискурса с учетом того, что взаимодействуют не некие абстрактные цивилизации, а люди, являющиеся носителями различных культурно-цивилизационных ценностей [10, 15].

Концепция диалога цивилизаций была предложена в 1998 г. президентом Ирана М. Хатами в качестве ответа на теорию Хантингтона и сразу получила поддержку международной общественности в лице ООН, которая объявила 2001 г. «Годом диалога цивилизаций» [17]. В рамках реализации этой концепции на разных уровнях стали проводиться конференции, симпозиумы, международные встречи с участием представителей политической, общественной, научной, культурной и религиозной элиты стран Запада и Востока. Главным итогом обсуждения стало определение ключевых целей и направлений диалога цивилизаций по проблематике межкультурных и межконфессиональных отношений. Во-первых, это совместные усилия по изоляции экстремистских элементов во всех религиозно-этнических группах и международных объединениях. Во-вторых, выработка и реализация новых норм мирного сосуществования представителей различных религий, наций, национальностей, культурно-этнических групп. В-третьих, предотвращение создания военно-политических объединений в интересах той или иной «цивилизационной» группы населения; запрет войны и силовых методов как средства решения национальных, этнических, религиозных споров и межгосударственных конфликтов [1, 15–17; 12, 186–187].

Несмотря на внушительный позитивный потенциал и растущую динамику, диалог цивилизаций натолкнулся на целый ряд трудностей и пока не вышел на уровень формирования практических механизмов реализации своих целей и задач. Два крупных межцивилизационных проекта под эгидой ООН – «Диалог цивилизаций» М. Хатами и «Альянс цивилизаций» (предложенный Испанией и Турцией в 2005 г.) – превратились в дискуссии общего характера о необходимости межкультурного и межконфессионального взаимопонимания. Эксперты связывают это со «скептическим, а по сути негативным отношением США к возможности равноправного диалога со слабыми государствами, представляющими иные цивилизации» [12, 185–186].

При всей справедливости подобных аргументов, на наш взгляд, было бы неверным сводить причины пробуксовки различных проектов, предлагаемых в рамках концепции диалога цивилизаций, лишь к нежеланию США поддержать указанные инициативы. М. Хатами выступал не от имени всего исламского мира (на это до сих пор не способен ни один мусульманский политик), он представлял имеющий еще недостаточный политический вес Иран, который только начал выходить из международной изоляции после исламской революции и окончания изнуряющей и кровопролитной ирано-иракской войны. Весьма символичным выглядит и то, что именно «Год диалога цивилизаций» был омрачен терактами 11 сентября в Нью-Йорке. Что касается «Альянса цивилизаций», инициированного союзниками США по НАТО и поддержанного ООН, противодействие США этому проекту объясняется приверженностью Белого дома доктрине унилатерализма, в рамках которой ООН и участники Североатлантического альянса оттеснялись на вторые роли в мировой политике; поэтому США ограничились тем, что присоединились к «Клубу друзей Альянса».

Очевидно, что продвижению диалога цивилизаций противодействует целый комплекс объективных факторов. Ключевым является незавершенность процесса переформатирования системы международных отношений в целом.

При всем многообразии предложенных экспертами периодизаций и характеристик развития международно-политических процессов после распада bipolarной системы все они сходятся в одном: последнее десятилетие XX в. было периодом беспрецедентного всплеска американского влияния на мировой арене, первое десятилетие XXI в. ознаменовалось беспрецедентными сериями неудач и разочарований для американской политики. В итоге сегодня мы имеем дело во многом с нефункциональным многополярным миром, где наряду со сверхдержавой (США), сохраняющей значительную военную мощь, но ослабленную экономическими проблемами и внутренними расколами, также действуют старые, новые и формирующиеся державы, старые (уже расшатанные) международные политические конструкции (ООН, НАТО) и новые, еще набирающие силу и влияние («Группа 20», БРИКС и др.). По сути, мир живет в условиях полицентричной системы международных отношений с многочисленными и зачастую хаотично взаимодействующими друг с другом центрами влияния [3; 6, 9–21; 9, 83–89; 10, 288–289; 15]. При этом всеобщая взаимозависимость фактически переместила человечество в иную систему координат, в которой на первый план выходят вопросы предотвращения угроз глобальной безопасности и выживания человечества в целом, решаемые только путем коллективных усилий [18, 196–368]. В условиях когда глобальная мировая система характеризуется в терминах «трансформация», «дивергенция», «полицентричность», «многоуровневость» и «неопределенность», призывы к диалогу на равных, взаимопониманию и взаимным уступкам имеют мало шансов выйти за рамки благих пожеланий.

Одним из главных препятствий к продвижению диалога цивилизаций является расширение ареала конфликтности, что сохраняет актуальность силовых методов в решении международных проблем. В первую очередь это касается Ближнего и Среднего Востока, где остаются нерешенными арабо-израильский конфликт (приобретающий, по мнению экспертов, тупиковый и, возможно, уже необратимый характер), афгано-пакистанская проблема, кризис вокруг Ирана, война в Сирии и т. д. Тенденции к переформатированию Ближнего и Среднего Востока в сторону их дальнейшего дробления и политической дестабилизации с непредсказуемым исходом и возможностью военно-политическое вмешательства извне (как в Ливии и Сирии) усилила «арабская весна». Нарастание турбулентности активизирует миграционные процессы из Ближнего Востока и Северной Африки в страны Евросоюза, усугубляя и без того непростую проблему ассимиляции мусульманских мигрантов в европейские сообщества. Пока указанные проблемы остаются объектом политики «двойных стандартов» и ставки на военную силу, политика Запада и в дальнейшем будет восприниматься как продолжение прежнего колониализма и возрождать в памяти мусульманских народов годы зависимости и унижений [2; 14; 9, 78–83].

С приходом в Белый дом администрации президента Б. Обамы внешняя политика США стала меняться. В речах ведущих американских политиков стали звучать идеи многополярного мироустройства, что может расцениваться как отход от принципов жесткого унилатерализма. В большей степени США заин-

тересованы в применении не своей военной силы, а силы союзников — при сохраняющемся руководстве США. Проявляют США и готовность к легализации военных действий НАТО со стороны ООН, чего не было при прежних президентах или что присутствовало в гораздо меньшей степени. Президент Б. Обама сделал ряд дружеских жестов в сторону исламского мира, в частности, взял курс на «открытую переговорность» в конфликтных зонах, призвал к контактам с египетскими «Братьями-мусульманами», объявил о намерении вывести американские войска из Афганистана в 2014 г. Но можно ли считать, что уже намечается выход из кризиса? Очевидно, что такой вывод преждевременен, поскольку современная международная обстановка с трудом поддается даже краткосрочным прогнозам; вывод войск международной коалиции может обернуться новыми вызовами безопасности для Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, России [5; 10, 106–115].

Обязательным условием диалога цивилизаций должно быть наличие у каждой из сторон добной воли, взаимопонимания, желания и способности пойти на взаимные уступки. Однако можно ли вести речь о каких-либо переговорах и компромиссах с террористами, действия которых вносят весомый вклад в ухудшение отношений между Западом и исламским миром? Имеются ли возможности достичь договоренностей между Израилем и палестинцами в условиях продолжающейся международной изоляции ХАМАС, которая выражает интересы большей части палестинского народа и не намерена отказываться от идеи создания единой арабской исламской Палестины? Как следует выстраивать отношения с исламистами, пришедшими к власти в Египте и Тунисе в результате «арабской весны» с учетом того, что остается открытым вопрос, одержат ли в конечном итоге победу умеренные или экстремистские силы внутри этой «исламистской волны». США, Израиль, Европа демонстрируют расхождение мнений по этим и многим другим вопросам, что свидетельствует об отсутствии единства в лагере западных стран. Кризис концепции мультикультурализма и массовые протестные движения в Европе и Америке («Глобальная весна 2012») с требованиями экономической справедливости сигнализируют и о серьезном внутреннем расколе в западных сообществах.

Еще в большей степени это касается исламского мира, который отличается своей противоречивостью и разнонаправленностью интересов представляющих его государственных и негосударственных акторов. В последние годы в мусульманских ареалах стали набирать темпы интеграционные процессы: заметно активизировали свою деятельность ЛАГ, ОПЕК, ССАГПЗ, ОИС, «Исламская восьмерка»; наметилась тенденция к развитию регионального взаимодействия на межгосударственном уровне между Турцией и арабским миром, Турцией и Ираном, Ираном и рядом арабских стран (Ирак, Ливан, Сирия). Среди политических, общественных и религиозных деятелей мусульманских стран все большее распространение получает идея о том, что для обеспечения учета мнения всей исламской уммы следует максимально укрепить имеющиеся интеграционные структуры, прежде всего Организацию Исламского Сотрудничества. Предлагается, что ОИС взяла на себя функции подлинно политического, организационного и идеально-информационного центра мусульман всего мира. По мнению

экспертов, усиление роли ОИС может расширить возможности как для урегулирования многочисленных противоречий внутри мусульманского мира, так и для конструктивного диалога с Западом [1, 16–17].

При всей привлекательности этой идеи следует помнить, что в ОИС не представлены исламистские антисистемные организации и группы (оппозиционные правительства в соответствующих странах, автономистские, сепаратистские, ирредентистские, экстремистские и т. д.), которые, будучи неотъемлемой частью исламского мира, являются важным фактором его дестабилизации и кризиса его отношений с Западом. Кроме того, интеграционный потенциал мусульманского мира будут пытаться перехватить у ОИС конкурирующие с этой организацией другие мусульманские международные структуры (например, патронируемая Саудовской Аравией Лига исламского мира).

После «арабской весны», в условиях образовавшегося в арабском регионе вакуума лидерства, интеграционные тенденции в исламском мире могут быть серьезно ослаблены соперничеством ближневосточных региональных держав, имеющих веские основания выдвигать себя на эту роль. К их числу относятся Саудовская Аравия (с ее эффективным союзником в лице Катара), проявившая исключительную активность в ходе «арабской весны» и задающая тон в ЛАГ, ОПЕК и ССАГПЗ; превратившийся в регионального «тяжеловеса» Иран; набирающая влияние в арабском и исламском мире Турция. Все они в первую очередь ведут борьбу за лидерство на Арабском Востоке — за «душу мусульманского мира». И в этой борьбе региональные соперники могут быть заинтересованы в тактическом сотрудничестве друг с другом и (за исключением Ирана) в поддержке Запада. Так, антисирийская позиция ЛАГ (находящейся под сильным влиянием Саудовской Аравии и Катара) и Турции объясняется стремлением Эр-Рияда и Анкары вытеснить Тегеран с арабского и мусульманского поля и ослабить его путем перевода в свою орбиту Сирии (главного партнера Ирана), что можно добиться только сменой правящего в Дамаске режима. В этом интересы Саудовской Аравии и Турции совпадают с интересами Запада [9, 91–95; 14]. Но что будет после свержения режима Б. Асада?

В вопросах продвижения диалога цивилизаций очень многое зависит от позиции мусульманских стран, которые должны осознать, что без глубокой трансформации исламский мир никогда не будет стабильным. Вполне естественно, что на мусульманском Востоке люди встают под знамена ислама, поскольку это не только религия, но и основа их цивилизации, что, однако, не снимает с повестки дня проблем модернизации, преодоления экономической отсталости, ликвидации бедности. В этой связи мусульманские страны более внимательно стали присматриваться к опыту Турции по совмещению исламских ценностей с принципами западной демократии. Эксперты же на Западе и в России задаются вопросами о том, укоренится ли на Ближнем Востоке — в сердце мусульманского мира — «мягкий», умеренный ислам или к власти все же прорвутся радикалы; смогут ли исламисты в отсутствие опыта государственного управления справиться с экономическими проблемами и повысить уровень жизни населения. Исламские экстремисты явно не способны осуществить модернизацию, привлечь иностранные инвестиции и обеспечить стабильное и поступа-

тельное развитие общества. В этом отношении у умеренных исламистов несравненно больше шансов [9, 90–91; 14].

Модернизация мусульманского общества также невозможна без нового прочтения ислама с точки зрения богословия и особенно изменения религиозной идеологии и форм ее трансляции широким массам. В исламском мире не доверяют «демократическому проекту» в первую очередь потому, что это американский проект. Безусловно, направления и формы модернизации политических и экономических институтов — внутреннее дело самих мусульман. Но также очевидна и необходимость обращения к чужому опыту (конечно, при условии, что и Запад изменит те формы, в которых этот опыт предлагается сегодня) [4, 156–157, 187–197; 11, 496–501].

Таким образом, путь к конструктивному диалогу между миром ислама и Западом лежит через решение целого комплекса проблем. С одной стороны, серьезным препятствием являются попытки Запада (прежде всего в лице США) закрепиться в исключительно важном стратегическом регионе мира — на Ближнем Востоке и в Северной Африке — путем распространения, в том числе силовыми методами, западной модели демократии без учета цивилизационных, исторических особенностей и менталитета мусульманских народов. С другой стороны, перед мусульманскими сообществами стоят весьма сложные задачи осовременить общественно-экономическую систему, не подрывая основ своей культурно-религиозной идентичности. И в этом деле многое будет зависеть от позиции внешних сил: станут ли они загонять мусульманские государства в угол или позволят им модернизироваться, не нарушая их экстерриториальности и не пресекая попытки самобытного приспособления к условиям глобализации. Очевидно, что простых и легких решений не существует, и они заведомо должны отличаться от любых прежних схем, предложенных на Западе и на мусульманском Востоке. Иного варианта, кроме как диалог различных культур и религий, просто не существует; альтернативой ему может стать кровавая конфронтация, которая будет стоить жизни миллионам людей.

Актуальность идеи партнерства цивилизаций обусловлена также необходимостью разрешения комплекса глобальных кризисов, которые разразились в начале XXI в., — экологического, энергетического, финансово-экономического, продовольственного, демографического, технологического, социокультурного. Справиться с ними можно только путем коллективных действий и выработки качественно новой глобальной стратегии развития человечества, которая позволит внедрить коллективистскую парадигму мышления и соответствующие ей моральные ценности. Природа и культура, очевидно, устали от перегрузок модернизации и требуют реабилитации прежних, вытесненных и подавленных в эпоху западного доминирования форм мироощущения. Источником такой духовной реформации может стать богатейший опыт индуистской, китайской, исламской цивилизаций, оказавшихся наименее восприимчивыми к соблазнам западного мира с его активным преобразовательным потенциалом.

1. Бакланов А. Г. Проблематику прав человека — в повестку дня диалога цивилизаций // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М., 2011. С. 15–23.
2. Ближневосточный конфликт: поиски выхода: Аналит. докл. рос. группы Международ. дискуссион. клуба «Валдай». Москва, янв. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valdaiclub.com/publication/22281.html> (дата обращения: 12.02.2013).
3. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М., 2009.
4. Малащенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006.
5. Малышева Д. Б. Вывод войск международной коалиции из Афганистана и Центральная Азия // Оценки и идеи : бюл. Ин-та востоковедения РАН. М., 2012. Т. 1, № 2.
6. Малышева Д. Б. Современная мировая политика в контексте формирования многополюсного мира // Азия и Африка в мировой политике. М., 2012. С. 9–21.
7. Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / под ред. Ф. Г. Войтовского, А. В. Кузнецова. М., 2012.
8. Мирский Г. И. Ислам, исламизм и современность // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 41–46.
9. Мирский Г. И. Международные отношения на Ближнем Востоке // Азия и Африка в мировой политике. М., 2012. С. 77–95.
10. Наумкин В. В. Ближний Восток в мировой политике и культуре : избранные статьи, лекции, доклады 2009–2011 гг. М., 2011.
11. Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика : статьи, очерки, доклады разных лет. М. ; Н. Новгород, 2008.
12. Попов В. В. Партнерству цивилизаций нет альтернативы // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М., 2011. С. 178–191.
13. Примаков Е. М. «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций // Рос. газ. № 5538. 27 июля 2011 г.
14. Трансформация в арабском мире и интересы России : Аналит. докл. международ. дискуссион. клуба «Валдай». Москва, июнь, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valdaiclub.com/publication/44140.html> (дата обращения: 12.02.2013).
15. Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса / под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина. М., 2012.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
17. Хатами М. Текст выступления на заседании ООН, посвященном диалогу цивилизаций. М., 2001.
18. Яковец Ю. В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М., 2011.

Рукопись поступила в редакцию 10 февраля 2013 г.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>